

Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости.

(Окончаніе *).

24-го августа.

Казалось бы, что чаша терпѣнія должна была бы переполниться и послѣ припадковъ отчаянія и равнодушія, долженъ былъ бы появиться протестъ. Но у меня выходитъ иначе: какъ бойца охватываетъ одушевленіе и мужество чѣмъ больше препятствій впереди и еще привлекательнѣе и желаннѣе кажется ему побѣда, такъ и я, минути мнѣ кажется, что я не любила бы такъ эту школу, если бы она не далась мнѣ съ такими страданіями, что устраивать дѣло при благоприятныхъ условіяхъ не диво, нѣтъ, ты воздвигни его тогда, когда все противъ тебя, и въ результатѣ получится увѣренность въ своей настойчивости, преданности и силѣ. Мнѣніе мое должно состоять не въ томъ, чтобы обратиться вспять и сжечь корабли, а въ томъ, чтобы остаться на полѣ битвы, выиграть сраженіе, создать образцовую школу и доказать, что была права я, а не г-да П—вы.

Вотъ что писала я вчера одному изъ своихъ знакомыхъ, бѣжавшему съ поля битвы общественной дѣятельности, въ деревню и погрузившагося тамъ „въ дремоту жизни праздно“, что мнѣ однако не мѣшаетъ уважать въ немъ человека умнаго и честнаго.

„Вы обвиняете меня въ томъ, что

я отказываюсь отъ газетныхъ статей и, приглашая защищать Спасовича, въ глубинѣ души, не желаю даже его защиты. Прежде чѣмъ обвинять меня въ этомъ, выслушайте мои доводы: я нахожу, что людей готовыхъ протестовать, обличать и пререкаются гораздо больше чѣмъ людей желающихъ напроломъ, во что бы то ни стало, дѣлать дѣло, общественное дѣло, въ которое они вѣрятъ, котораго они предвидятъ будущность. Я не берусь судить кто больше служить обществу, кто полезнѣе, кто заслуживаетъ большаго уваженія, большей симпатіи, я чувствую только себя принадлежащую ко 2-й категоріи. Выходя изъ этаго положенія, я не хочу быть на скамьѣ подсудимыхъ по школьному дѣлу, я не хочу дать восторжествовать злоязычію г-дъ П—выхъ, я не хочу набрасывать тѣни на мою прошлую педагогическую дѣятельность, я не хочу быть причисленною къ лику недовольныхъ и протестующихъ, я не хочу минутнаго торжества идеи и привлекательнаго мученическаго вѣнка—невинно пострадавшей, купленнаго цѣною возможности дѣлать дѣло!

Говорятъ, что дѣло передается въ окружной судъ. Мировой судья напольш его себѣ неподсуднымъ и передалъ судебному слѣдователю.

Извѣстный адвокат С. говоритъ, что онъ самъ желалъ бы быть подсудимымъ по такому дѣлу, что такія дѣла слѣдуютъ раздувать, а не тушить, что онъ бесплатно пріѣдетъ защищать его. Изъ Петербурга мнѣ предлагаютъ

опять помѣстить эту исторію въ одной изъ распространенныхъ газетъ, но я повторяю: не этого мнѣ нужно, мнѣ нужно дѣлать дѣло и только“.

28-го августа.

Вещи уложены, дѣти въ дорогѣ, одна я задерживалась до послѣдней минуты въ надеждѣ получить разрѣшеніе и дождалась таки и отъ инспектора и отъ училищнаго совѣта, но открыть школу невозможно. Завтра я неизбѣжно должна выѣхать въ Харьковъ, такъ какъ 2-го открытіе воскресной школы послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Придется пріѣхать 3-го сентября послѣ собранія, но радостная вѣсть облегчила уже всѣ хаты и маленькія фигурки безпрестанно мелькаютъ у воротъ.

29-го августа.

Въ дорогѣ. (Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.
(3 ч. пополуд.).

Я садилась въ экипажъ, окруженная веселою толпою дѣтей, счастливая въ виду предстоящей радости. Въ воротахъ показался старикъ, разносящій пакеты изъ михайловской волости и подалъ мнѣ какую то бумагу. Какъ ни была подогнана я къ вызову судебного слѣдователя, но онъ невыразимо поразилъ меня: опять похолодѣли руки и потемнѣло въ глазахъ. Подъ впечатлѣніемъ послѣдней радости мнѣ казалось, что все это горькое отошло куда то далеко, далеко, я готова была все забыть, всѣмъ простить и вдругъ опять.... Я возвращалась въ Харьковъ, торжествуя побѣду, а тутъ этотъ вызовъ къ судебному слѣдователю, и что

я ему скажу и какъ все это будетъ и чѣмъ кончится? Все это вопросы, отвѣты на которые никто не можетъ предвидѣть.

6-го сентября.

(Опять въ деревню).

Д. Алексѣевка.
(12 ч. ночи).

Мнѣ кажется, что въ жизни моей я никогда не присутствовала при такомъ торжествѣ какъ сегодня. Хотѣла заснуть и не могу—передъ глазами все та же картина: священникъ въ свѣтлой рясѣ съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ толпа дѣтей веселыхъ, нарядныхъ, какъ на свѣтлый праздникъ, за ними толпа народа, благоговѣнно идущая за всей этой процессіей, все это движется къ только что заложенному зданію. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту картину, а въ ушахъ раздаются дѣтскіе голоса: „Спаси Господи люди твоя!“.....

Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень и не одинъ народъ, а всѣ сосѣди и близкіе и дальніе, всѣ они знали какою цѣною купила я это торжество и казалось сошлись порадоваться моей радости. Мы заявили всѣмъ и каждому, что не можемъ принять болѣе 40 дѣтей, пока выстроится настоящая школа, а намъ привели 60. Разумѣется старымъ пріятелямъ было отдано предпочтеніе, добавили 10 новыхъ изъ болѣе взрослыхъ дѣтей, а 20 записали на весну.

7-го сентября.

(Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.
(3 ч. пополуд.).

Я почти не спала эту ночь—кар-

тины радости смѣнялись тяжелымъ ожиданіемъ утра и вызова судебного слѣдователя. Въ 8 ч. я была уже готова къ отъѣзду въ Михайловку, а въ половинѣ 9-го подъѣзжала къ волостному правленію, къ тому самому волостному правленію, гдѣ судятъ конокрадовъ и мошенниковъ. Первые мои были въ высшей степени напряжены, но я силилась удержаться отъ слезъ, уговаривая себя, что плакать стыдно. Ночью, впрочемъ, я написала заявленіе и именно на случай слезъ и невозможности выяснитъ дѣла какъ слѣдуетъ. Это заявленіе-экспромптъ лежало у меня въ карманѣ, такъ какъ есть—непереписанное даже, впрочемъ въ немъ не встрѣчалось ни одной помарки, такъ научили меня писать дѣловыя бумаги въ Славяносербскѣ.

Мы подъѣзжали къ волостному правленію, когда издали послышался колокольчикъ, отъ котораго у меня дрогнуло сердце и чрезъ нѣсколько минутъ показалась тройка—на тройкѣ сидѣлъ молодой человекъ въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, самаго элегантнаго вида и слуга. Молодой человекъ, впрочемъ для меня не былъ „человѣкъ“,—это былъ „судебный слѣдователь“, молодцевато выскочилъ онъ изъ тарантаса, захлопнулъ за собой стремительно дверь и высмалъ человека сказать, что просить меня пожаловать въ залу въ домъ Міоковичей. Эти добрыя шіе сосѣди—Міоковичи, вида, вѣроятно, на лицѣ моемъ выраженіе ужаса каждый разъ, когда рѣчь заходила о судебномъ слѣдователѣ, и прежде ус-

показывали меня предположеніемъ, что судъ надо мною будетъ происходить у нихъ въ домѣ, какъ это не разъ уже бывало, но мнѣ казалось, что это еще стыднѣе. Тѣмъ не менѣе мы велѣли повернуть лошадей къ дому Міоковичей. На встрѣчу намъ, точно желая скорѣе выручить меня изъ бѣды, бѣжала растрепанная и въ утреннемъ неглиже добройшаая Екатерина Александровна. Завидѣвши меня, она стала махать руками, точно боясь, что я миную ихъ домъ, или заподозрю, что они повинили меня въ бѣдѣ. Это было уже выше моихъ силъ, я зарыдала и, рыдая, вошла къ нимъ въ домъ. Меня силились утѣшить, успокоить—ничто не помогало. Наконецъ, въ залѣ послышались шаги и въ комнату вошелъ судебный слѣдователь. Не знаю, какъ это случилось, но я мигомъ перестала плакать и почувствовала вдругъ такой приливъ сознанія собственнаго достоинства и гордости, что совершенно твердо послѣдовала за нимъ на его приглашеніе въ залу. Мы сѣли другъ противъ друга. Судебный слѣдователь не безъ юпитерскаго величія началъ со слѣдующаго: „Ваше дѣло—это первое дѣло въ моей юридической практикѣ такого рода характера, а поэтому я, какъ молодой юристъ, считалъ необходимымъ посоветоваться въ этомъ случаѣ съ моими товарищами-юристами, болѣе опытными, чѣмъ я. Съ этою цѣлью я побывалъ въ окружномъ судѣ и послѣ продолжительной консультаціи мы рѣшили предложить вамъ слѣдующій вопросъ,

который будет первым и последним и определить отношения вашего дѣла, а именно: „Признаете ли вы, что школа, существовавшая въ деревнѣ Алексѣевкѣ, михайловской волости существовала безъ разрѣшенія?“

Извините! возразила я спокойно, но есть вопросъ первѣе этого, а именно: „Существовала ли школа въ деревнѣ Алексѣевкѣ, михайловской волости?“

Молодой юристъ даже подскочилъ немного на стулѣ. „Какъ! Вы это отвергаете?“

— Да!

„Что же это было по вашему?“

— Это было простое обученіе грамотѣ на дому, которое на основаніи примѣчанія къ ст. 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о нач. народн. учил. дозволяется лицамъ всѣхъ сословій безъ разрѣшенія училищнаго совѣта. И я открыла предъ нимъ бывшее при мнѣ печатное „положеніе о нач. народн. училищахъ.“

Молодой юристъ, видимо, нѣсколько сконфузился и спросилъ меня менѣе уже юпитерскимъ тономъ: „А чѣмъ вы можете доказать, что это была не школа?“

— Тѣмъ, отвѣчала я, чувствуя, что принимаю все болѣе и болѣе грозный видъ, что тутъ не было никакихъ элементовъ, входящихъ въ составъ понятія о школѣ: школа требуетъ опредѣленнаго помѣщенія—его не было, такъ какъ мы учили въ саду и на балконѣ; школа требуетъ учителя, его не было, такъ какъ я занималась сама съ дѣтьми; школа требуетъ опредѣленной програм-

мы—ея не было; школа требуетъ законоучителя—его не было. Впрочемъ, позвольте мнѣ подать вамъ заявленіе, изъ котораго вы вполне ясно увидите весь ходъ дѣла. Заявленіе это я прошу васъ пришить къ дѣлу!—И я подала ему заявленіе, чувствуя, что мы положительно помѣнялись ролями. Заявленіе мое было слѣдующаго содержанія:

Заявленіе.

Въ прошломъ 1878 г., пріѣхавши въ 1-й разъ въ имѣніе мужа моего д. Алексѣевку, михайловской волости, я провела въ ней 3 лѣтнихъ мѣсяца. Работая 16 лѣтъ на поприщѣ народнаго образованія, я, естественно, поинтересовалась узнать, существуютъ ли вблизи насъ школы и узнала, что въ михайловской волости нѣтъ ни одной.

Это обстоятельство дало мнѣ поводъ рѣшиться устроить, съ участіемъ земства, народное училище. Съ этою цѣлью я обратилась къ сосѣду моему Н. Н. П., какъ одному изъ земскихъ дѣятелей и мировому судѣе—юристу, способному разъяснить мнѣ порядокъ веденія дѣла и просила его помочь мнѣ. Въ сентябрѣ того же года состоялось земское собраніе въ которомъ, по вопросу о народномъ образованіи, рѣшено было открывать земскія школы и выдавать субсидію въ 400 р. только тамъ, гдѣ общество, или частное лицо обязется вносить съ своей стороны 200 и покажетъ такимъ образомъ свое сочувствіе къ школѣ и желаніе содѣйствовать ея интересамъ. Въ это время я была уже въ Харьковѣ—моемъ по-

стоянномъ мѣстѣ жительства.

Пріѣхавши въ этомъ году въ деревню въ маѣ мѣсяцѣ, я возобновила свои переговоры по этому дѣлу съ П., причѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что прежде всего нужно подать прошеніе инспектору народнаго училища П—ву и общалъ доставить на дняхъ форму такового прошенія, но какъ человѣкъ занятый и службой и хозяйствомъ, замедлил нѣсколько доставкой мнѣ этой формы, а я, въ свою очередь, получивъ отъ него прошеніе, замедлила отправкой, наводя справки какъ зовутъ П—ва, гдѣ онъ находится, такъ какъ въ Бахмутѣ его не оказалось, какую слѣдуетъ приложить марку и т. п. Въ этихъ хлопотахъ прошло около мѣсяца; между тѣмъ нѣкоторые изъ сосѣдей пугали меня предсказаніемъ, что получу я разрѣшеніе, выстрою домъ, но учениковъ не будетъ, что народъ нашъ не расположенъ къ школѣ, что ему нужны малолѣтніе работники и т. п. Напуганная отчасти этими предсказаніями мѣстныхъ жителей, я задумала сдѣлать опытъ до открытія школы. Помня очень хорошо объ инспекторѣ и необходимости просить прежде всего у него разрѣшенія школы, я въ то же время знала, что на основаніи примѣчанія къ статьѣ 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г. „дозволяется простое обученіе грамотѣ на дому безъ разрѣшенія училищнаго совѣта“. Кромѣ того за непроступность этого опыта говорило все мое прошлое, подкрѣпленное такими фактами:

въ 1871 году баронъ Корфъ—извѣстный дѣятель по народному образованію, осматривалъ въ Харьковѣ школу, въ которой я состою распорядительницей и далъ о ней самый лестный печатный отзывъ въ рядѣ газетныхъ статей подъ заглавіемъ: „Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія“. Въ 1873 году я получила благодарность отъ харьковской городской думы, во главѣ которой находился тогда бывший профессоръ харьковскаго университета Е. С. Гордѣенко. Въ 1874 г., по представленію мѣстнаго начальства, пожалована подаркомъ изъ кабинета Ея Величества. Въ 1878 г. школу посѣтилъ членъ-ревизоръ Святѣйшаго Синода С. И. Миропольскій и, тщательно изучивъ ее, написалъ исторію школы подъ заглавіемъ: „Школы и Общество“, въ которой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ доказывалъ, что это учрежденіе единственное въ Россіи. Статьи эти напечатаны въ 3-хъ книгахъ педагогическаго журнала „Семья и Школа“ за 1878 годъ.

Все это, повторяю я, казалось мнѣ достаточнымъ для права произведенія опыта—доплотъ ли дѣтей учиться. Случай помочь мнѣ: знакомый мужикъ портной, снимая мѣрку съ младшаго сына моего, замѣтилъ: „И у меня есть такой хлопчикъ и страсть какъ желаетъ учиться, да нигдѣ близко нѣтъ школы!“ Я предложила, чтобы мальчикъ ходилъ ко мнѣ учиться, а на 3-й день меня просили о томъ же нашъ прикащикъ, садовникъ, дворникъ, кучеръ и еще нѣсколько матерей изъ сосѣд-

нихъ хатъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно для меня самой и въ противорѣчіе мѣстнымъ предсказаніямъ, въ 2—3 дня набралось до 30-ти дѣтей. 1-ю недѣлю я посвятила задачамъ опрятности: роздала по куску мыла, по частому гребешку, мальчикамъ велѣла остричься, дѣвочкамъ—снять платочки и причесываться каждый день; смотрѣла чисты ли руки, уши, ногти, головы и объясняла необходимость чистоты для здоровья. 2-ю недѣлю мы приступили къ разучиванію молитвы: „Отче нашъ“ съ объясненіемъ и пѣніемъ, а на 3-ю принялись за подвижную азбуку. Занимались мы всѣмъ этимъ на балконѣ, въ саду, такъ какъ другого помѣщенія тогда не имѣлось и мечтали о томъ, что къ открытію школы старшіе ученики окончатъ азбуку и образуютъ изъ себя 2-ю группу, какъ вдругъ полиція—становой приставъ. Разумѣется я показываю ему всѣ доказательства своей благонадежности, всѣ свои бумаги, но онъ отвѣчаетъ: „Все это имѣетъ значеніе только въ харьковской губерніи, а теперь вы въ екатеринославской!“ Неспособная отъ волненія сообразить, что законы въ Россіи повсюду одни и тѣ же, я покаряюсь требованію полицейскаго чиновника и пишу росписку, что впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства прекращаю занятія съ дѣтьми, сохраняя однако сознаніе настолько, что не пишу „закрываю школу“, какъ требуетъ онъ, такъ какъ школы никакой не было, а было „простое обученіе грамотѣ на дому“, и даже менѣе того „на балконѣ“,

и даже менѣе обученія, такъ какъ внушеніе правилъ опрятности и пѣніе нельзя считать за организованныя школьныя занятія.

На другой же день я отправляю прошеніе инспектору и въ училищный совѣтъ. Училищный совѣтъ немедленно разрѣшаетъ открыть земское народное училище въ д. Алексѣевкѣ и назначаетъ субсидію, но инспекторъ, не желая понять, что это школа земская, что учителя въ нее назначаетъ земство съ его согласія, что я представляю собою не болѣе какъ жертвователя 3,000 руб., ставить мнѣ препятствія и требуетъ не разомъ, а постепенно, затягивая дѣло до моего отъѣзда: 1) полицейское свидѣтельство отъ харьковской полиціи; 2) таковое же отъ славяносербской, затѣмъ 3) свидѣтельство о томъ, что я русская подданная, затѣмъ, что православнаго вѣроисповѣданія, и, наконецъ, что я законная жена моего мужа. Я доставляю всѣ данныя доказательства и, наконецъ, за два дня до моего отъѣзда школа открыта, но тутъ же я получаю повѣстку отъ г. судебного слѣдователя, какъ посредника дѣла, переходящаго въ окружной судъ, причѣмъ сказано, что я обвиняюсь въ уголовномъ преступленіи „въ нарушеніи постановленій о воспитаніи юношества“.

7-го сентября 1879 г.

д. Алексѣевка.

Дочитавши заявленіе, молодой юристъ совершенно уже сконфуженно пробормоталъ:

„Да, я долженъ признаться, что „заявленіе“ ваше действительно сбило ме-

ня съ позиціи и я тоже готовъ признать, что школы не было. Въ виду этого я не могу снимать съ васъ показаній, такъ какъ мы снимаемъ показанія только съ подсудимыхъ, а признать васъ подсудимою я не могу. Придется снять показаніе со школьничковъ и только“

— Последняя фраза наполнила мое сердце ужасомъ:—какъ, пытатъ этихъ неповинныхъ дѣтей, навести на населеніе ужасъ, отшатнуть, быть можетъ, отъ школы, подумала я, и сказала громко: каждый провинившійся человекъ долженъ самъ выносить на себѣ кару наказанія, а поэтому прошу васъ наказывать меня—вы можете передать дѣло въ окружной судъ, я даже желаю этого, такъ какъ Спасовичъ разъяснитъ при этомъ, какъ поставлено у насъ въ глуши дѣло народнаго образованія; только прошу васъ—не трогайте дѣтей! Врочемъ, извините, добавила я поспѣшно, быть можетъ я не имѣю права просить о чомъ бы то ни было?!

„Нѣтъ, почему же, возразилъ онъ также сконфуженно, вы имѣете право просить и даже ваша просьба можетъ быть уважена—я, пожалуй, не спрошу дѣтей, а спрошу сосѣдей. Что же касается окружного суда, то если вы желаете, чтобы дѣло перешло туда, то вы должны признать, что школа существовала и заплатить 50 к. штрафу.“

— Ни за что! возразила я горячо, если бы мнѣ предстояло заплатить одну коп., или просидѣть въ тюрьмѣ, я вы-

брала бы послѣднее, но ни за что не признала бы себя виновной противъ убѣжденія!

„Вы свободны!“ сказалъ учтиво молодой юристъ, приподымаясь съ мѣста.

Я вышла твердо и спокойно какъ вошла, вполне довольная собой, потребовавъ предварительно у моего судьи росписку въ томъ, что онъ получилъ мое заявленіе.

17-го сентября.

Харьковъ.

Послѣ визита въ камеру судебного слѣдователя я постоянно тревожилась мыслью о томъ: свободенъ ли будетъ Спасовичъ, если потребуется его защита, и въ высшей степени была рада сегодня его нѣсколькимъ успокоительнымъ строкамъ, вотъ онѣ:

Милостивая Государиня

Христина Даниловна!

Всегда, когда вы потребуете меня вырывать васъ на судъ, обещаю быть къ вашимъ услугамъ. По всей вѣроятности, однако, до этого не дойдетъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ Харьковъ на юбилей Крашевскаго, но вернусь никакъ не позже 1-го октября.

Глубоко уважающій васъ, преданный

Спасовичъ.

15 сентября 1879 г.

29-го октября.

(Отрывокъ изъ письма деревенскаго учителя).

„26 въ пятницу, занимаюсь я, какъ вдругъ высовывается какая то голова

изъ дверей моей комнаты и говорить: „позвольте васъ на минуту отвернуть отъ дѣла; я судебный слѣдователь, пріѣхалъ сдѣлать дознаніе“. Думаю себѣ: „очень неприятно имѣть такого гостя!“ и долженъ признаться, что даже струсилъ, впервыхъ, отъ неожиданнаго появленія головы, а воторыхъ, за васъ и за школу струсилъ.

Перваго онъ вызвалъ Романа Попова, а затѣмъ Краснощочковыхъ и Головневу, но они отказались, такъ какъ не были тогда въ школѣ. Онъ спросилъ Романа, кто съ нимъ еще тогда учился? и тотъ указалъ на Марусю Товстенку. Судебный слѣдователь допрашивалъ и ее. Дѣти показали: насъ было больше 10, учила насъ Христина Даниловна всѣхъ пѣть „Отче нашъ!“, а нѣкоторые учились по азбучкѣ, учились же мы на балконѣ.

На показаніи своемъ, писанномъ самимъ слѣдователемъ, они росписались. Затѣмъ пріѣзжалъ урядникъ вечеромъ и дѣтей не засталъ. Пріѣзжалъ онъ по тому же дѣлу, имѣя предписаніе отъ становаго пристава и заявилъ всѣмъ родителямъ, учившихся тогда у васъ дѣтей, явиться въ волость для допроса. Чѣмъ все это кончилось, не знаю; могу только, Х. Д., увѣрить васъ въ одномъ, что все это на учащихся ни мало не повліяло—они остались веселы, какъ и были раньше.

Извините пожалуйста, Х. Д., что сообщаю вамъ эти неприятныя новости. Не хочу ничего скрывать.

Дѣти ходятъ аккуратно. Всѣ они кланяются вамъ“.

28-го октября, 1879 г.
Деревня Алексѣевка.

30-го октября.

Письмо это снова навѣяло на меня грустныя думы: Господи, когда же конецъ этому?!... Бѣдныя дѣтки! Трогательнѣе всего безспорно то, что сами росписались на своемъ показаніи....

1-го ноября.

Сегодня получила копію съ постановленія судебного слѣдователя. Она обрадовала меня, какъ нравственное удовлетвореніе послѣ длинныхъ мѣсяцевъ страданій и сомнѣній. Вѣроятно судъ согласится съ его мнѣніемъ и наступитъ конецъ моимъ тревогамъ.... Еслибъ то!....

Постановленіе судебного слѣдователя состояло приблизительно въ слѣдующемъ:

1879 г. октября 27-го дня, и. д. судебного слѣдователя 2-го участка славяносербскаго уѣзда, въ г. Славяносербскѣ, рассмотрѣвъ обстоятельство дѣла по обвиненію г-жи Алчевской въ нарушеніи 1049 ст. ул. о нак. наполь, что г-жа Алчевская имѣла право на открытіе школы, что доказывается кромѣ извѣстныхъ и объясняемыхъ ею въ поданномъ заявленіи фактовъ изъ дѣятельности ея на поприщѣ бесплатнаго преподаванія грамотности, между прочимъ уже и тѣмъ, что она и получила разрѣшеніе на от-

крытіе школы, нынѣ существующей въ ея деревнѣ, въ которой обучаются малолѣтніе крестьяне грамотности; за симъ, хотя г-жа Алчевская, до полученія формальнаго разрѣшенія открыть собственно школу и призывала малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей къ себѣ на домъ, гдѣ учила ихъ первоначально, дѣлая опытъ и подготовку для будущей школы, въ открытіи которой и сомнѣваться не имѣла основаній, но, такъ какъ по внутреннему смыслу 1049 ст. ул. о нак. подобныя дѣйствія съ ея стороны не составляютъ преступленія, заключающаго лишь въ неисполненіи извѣстной формальности, которая потомъ была исполнена, то потому и нарушенія 1049 ст. ул. о нак. г-жею Алчевскою совершенно не было, ибо законъ, устанавливая норму въ 1049 ст. ул. о нак. имѣлъ въ виду предупредить возможность обучать дѣтей лицами не компетентными въ этомъ дѣлѣ, или же могущими поселить въ малолѣтнихъ дурныя начала нравственности, но отнюдь не предусматривалъ тѣхъ случаевъ, когда лица безусловно имѣющія права на право преподаванія и извѣстныя своею педагогическою дѣятельностью, желая поселить между народомъ начала нравственности, религіи и грамотности, жертвуютъ своимъ имуществомъ для достиженія этой общественно - правительственной цѣли, въ виду которой и собственнымъ безкорыстнымъ трудомъ, желая принять участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, готовятъ дѣтей къ обученію ихъ въ „собственной школѣ“, которую

намѣреваются открыть. Въ виду личной инициативы въ такомъ общественномъ дѣлѣ, въ виду мѣстныхъ условій и непониманія еще народомъ пользы грамотности безъ извѣстной подготовки къ этому дѣлу самихъ дѣтей, нельзя было бы и рѣшиться открыть школы, и такимъ путемъ былъ бы убитъ личный элементъ и личная инициатива въ дѣлѣ распространенія грамотности, чего законъ, относящійся къ этому съ сочувствіемъ, не могъ допустить. Что же касается мнѣнія, допрошеннаго въ качествѣ эксперта г. П—ва, то, такъ какъ въ показаніи своемъ главнымъ образомъ онъ старался опровергнуть заявленія г. Алчевской относительно притѣсненій имъ ея, и, наконецъ, такъ какъ онъ не призналъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ разрѣшенія предложенныхъ ему вопросовъ въ научно-юридическомъ смыслѣ, то потому показаніе его въ дѣлѣ не можетъ имѣть существеннаго, а тѣмъ болѣе рѣшающаго значенія. Въ виду изложенныхъ соображеній и не находя въ дѣйствіяхъ г-жи Алчевской признаковъ какого-либо преступленія, руководствуясь 277 ст. уст. уг. суд. постановилъ: не привлекая въ качествѣ обвиняемой г. Алчевской, дѣло это, за отсутствіемъ состава преступленія, предоставить для прекращенія въ изюмскій окружной судъ, чрезъ господина прокурора.

Х. Алчевская.

